

Карелин Владислав Михайлович

канд. филос. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Российский государственный

гуманитарный университет»

г. Москва

ИНВЕСТИРОВАНИЕ В «УБЫТОЧНЫЙ КЛАСС»: К ЭКОНОМИКЕ НАУКОМЕТРИИ

***Аннотация:** в статье рассмотрены основные вопросы современных стратегий наукометрической оценки научной деятельности работников университетов и научных организаций. Проанализирована проблема прибыльности и убыточности научной с точки зрения инвестиционных перспектив.*

***Ключевые слова:** высшее образование, горизонт планирования, инвестиции в науку, наукометрия, научное сообщество, окупаемость инвестиций, образовательная политика, убыточный класс, человеческий капитал, экспертиза, эффективность.*

Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект №16–36–00026.

Современная практика повышения эффективности высшего образования и науки предсказуемым образом привела к установлению различных «уровней отсечки». Теперь они определяют порог пригодности научной дисциплины / области знания / вуза / ученого и т. д., допустимый для участия в отношениях на складывающемся рынке образовательных услуг. Все сферы научной действительности, которые остаются ниже этого порога, отбрасываются как на периферию этих отношений, так и на периферию науки и образования, – как принципиально дотационные и в лучшем случае субсидиарные; а соответствующий человеческий капитал видится представленным уже не научным сообществом, а целым «убыточным классом», способным лишь поглощать государственные инвестиции без создания какого-либо полезного продукта. Такая интерпретация положения дел может выглядеть правдоподобной – но в крайне узких пределах. Рамки этой кар-

тины определены краткостью перспективы тактического планирования, требующего достаточно определенной алгоритмизации действий для достижения хорошо прогнозируемых результатов.

Соответствующий формат мышления приемлем для разработки краткосрочных, «дискретных» проектов; и хотя к таковым проектам *науку как таковую* никак отнести нельзя, подобный взгляд становится определяющим для выстраивания административного *modus operandi* в отношении к ней. Практика таких взаимодействий с наукой подкрепляется использованием наукометрических показателей, нацеленных на проектно-тактический анализ, но никак не на стратегические перспективы. Характер последних принципиальным образом средне- или долгосрочный, и их анализ, к сожалению, представляет собой меньший интерес при анализе научной деятельности, т. к. обладает меньшим прогностическим потенциалом и требует использования качественных средств анализа, уступающих – в плане удобства манипулирования – средствам количественным.

Смещение тактических и стратегических контекстов оценки научной деятельности является влиятельным фактором неадекватной репрезентации ценности отдельных исследовательских проектов и даже целых дисциплин. Разработка как вопросов оценивания результатов деятельности, так и целесообразности инвестирования в нее и поддержки научных кадров, требует четкой дифференцировки срочности перспектив развития той или иной сферы знания. Во-первых – в соответствии со спецификой тенденций получения научных результатов в рамках определенной дисциплины; во-вторых – с учетом дополнительного «коридора перспектив», в котором полученные результаты приобретают научную значимость с задержкой, в соответствии с особенностями их признания соответствующим научным сообществом и дальнейшего научно-практического применения.

Что теряется при игнорировании дополнительного стратегического коридора в оценке научной деятельности?

1. Прежде всего, поддержка фундаментальных – в буквальном смысле понятия – фундаментальных аспектов науки. Против этой потери выступает здоро-

вый научный консерватизм; если он не состоит исключительно во внутрисоциальной игре академического сообщества «в науку», то позволяет растянуть состояние куновской *normal science*, но не во имя сохранения ее догматизма (в условиях быстро меняющейся современности об этом нет смысла говорить, как и о безраздельном диктате парадигм), а для более основательной ее проверки на прочность. А также – для поддержки социальной структуры науки как общественного института. И, конечно, – *last but not least* – для осмысления происходящего в науке как познавательной деятельности в ее тесной связи с реальностью человеческого мира.

2. Перспектива оценки научного сообщества не как «убыточного класса», а как инвестиционно результативного. Инвестиции в науку неизбежно включают амортизационные потери, связанные помимо прочего с неустранимой компенсацией средств на оклады страждущих «удовлетворить личное любопытство за государственный счет», но этим вопрос, разумеется, не исчерпывается. Ретардированный эффект научной публикации, конечно же, является здесь наиболее типичной трудностью, требующей анализа и серьезной корректировки; сейчас известен ряд новаторских предложений в трансформации издательской и рецензионной практики, представляющие собой конструктивные образцы решения такой проблемы: например, такие издания как серия журналов PLOS [7] или пока еще мало известный проект «живой публикации» [4, с. 48–49] проф. М.М. Горбунова-Посадова (Институт прикладной математики им. М.В. Келдыша) – однако широкого распространения эти модели пока не приобрели. Вероятно, такое плоское понимание науки в этом отношении рождается не из обывательского отношения к «этим яйцеголовым», а к смешению в обыденном сознании науки с техникой (в самом широком смысле), сферы получения знания со сферой инструментальной практической деятельности, позволяющей получать скорые и однозначные решения задач.

В оптике такого упрощенного представлении науки как убыточного предприятия обычно отсутствует эффект, который можно было бы назвать скрытой прибылью. Задержка эффекта вовсе не говорит о том, что результата никогда не

будет (хотя такой риск не исключен); ведь никакой научный материал не может быть прочитан сразу (а это только первая фаза эффекта, которую тактическое мышление в силу той или иной жесткости регламентации временных перспектив способно фиксировать) и тем более – применен (что может быть в большей мере доступно для оценки стратегическим мышлением, которое может допускать не просто одноактное и однозначное, но и мультивариантное пролонгированное применение научного результата – что крайне характерно для гуманитарных дисциплин).

Мы знаем, что обсуждаемые проблемы развиваются не только в российском контексте. Философ Ханс Ульрих Гумбрехт пошутил, что уже есть профессора в области «кризиса гуманитарных наук» [3, с. 60–68]. Да и разговор не только о гуманитарных науках. Филипп Кэмпбелл, главный редактор журнала «Nature», размышляя о факторах низкой цитируемости научных публикаций, приводит пример областей, где уровень цитируемости низок традиционно, сам по себе, как например, в физике (а эту науку называть принципиально оторванной от жизни было бы просто нелепо), или таких, где этот уровень растет медленно (например, в науках о земле). Приводит он и более общий фактор – статьи могут быть и превосходными, и провидческими, но не «горячими» [5, с. 47–48]. А цитируемость математических статей в целом может даже отставать от аналогичного параметра в сфере общественных наук [1, с. 16.]. Неужели это повод ли это для сворачивания всякой поддержки «царицы наук»?.. Тогда вопрошание о дальнейшей судьбе тех дисциплин и сфер повседневной жизни, которые хотя бы немного математизированы, в таком случае следует оставить риторическим. О фундаментальных исследованиях и речи нет: «Возможно, при сегодняшнем рейтинговом зуде Г. Перельману уже не дали бы восемь лет спокойно заниматься гипотезой Пуанкаре, почти ничего не публикуя, и уволили бы за неэффективность», – иронизирует математик П.Ю. Чеботарев [6, с. 19]. Но избалованность фрагментарной хронологией таких наукометрических величин, как импакт-фактор (величина, фиксируемая за определенный интервал) или число публикаций и цитирований

за единицу времени, делает свой вклад в поддержание тактического видения поддержки науки как единственно правильного.

Неприемлемость наглядно-позитивистского понимания экономики, требующего четкой представимости предмета экономической оценки в ущерб рассмотрению нематериальных объектов, отмечалась еще несколько десятилетий назад теоретиком человеческого капитала Г. Беккером: «...экономисты с меньшим успехом анализируют спрос и предложение магазинов, фильмов или образования, чем мяса или автомобилей. Живучесть определений, связывающих экономическую науку с материальными благами, объясняется нежеланием подчинять определенные виды человеческого поведения «бездушному» экономическому расчету» [2, с. 25]. В результате этого «...[общепринятый] экономический подход [к поведению человека] не проводит концептуального разграничения между решениями важными и малозначащими, скажем, такими, которые касаются вопросов жизни и смерти, с одной стороны <...>, и выбором сорта кофе – с другой» [2, с. 29]. Увы, нынешних наукометров в их ориентировке на экономический подход пока более прельщают очевидные и операциональные «тактики выбора кофе», чем мелочи наподобие эфемерных «стратегий жизни и смерти».

Вопрос «что делать?», однако, на мой взгляд, не требует безотлагательного решения. В настоящий момент область развития наукоанализа достаточно планомерно расслаивается на наукометрическую и экспертную. Первая в очищенном виде показывает свою несостоятельность: ни «хирш», ни «импакт» напрямую не свидетельствуют о научности, новизне или полезности, но зато способствует инфляции наукообразного творчества (как и формирующегося института формального цитирования), в целом весьма узнаваемого и часто радикально отвергаемого людьми от «науки ради науки». Вторая – экспертная – как ипостась качественных исследования еще заявит о себе. Но как следует организовывать экспертизу? И кто такой эксперт? Каковы должны быть его цели? Как избежать превращения практики экспертизы в практику экспертократии?.. Если мы не учтем нынешние промахи внедрения наукометрического менеджмента, от кото-

рого теперь стремимся отказаться, то ожидаемый в будущем «тренд наукоэкспертности» (как альтернативный «наукометрическому тренду») будет готов принести нам новые трудности, но, возможно, во многом похожие на прежние.

При всем желании наукометрический подход отменить никак не получится: до тех пор, пока существует экономический рынок как значимая часть общественных отношений, по-прежнему останутся значимыми и его индикаторы в самых разных сферах жизни, даже неэкономических. Можно ли с этим мириться? Вполне. Но при этом необходимо выполнение как минимум двух следующих условий. Во-первых, необходимо различать, говоря языком микроэкономики, аспекты бухгалтерской прибыли, включающей только анализ процессов за отчетный период, и аспекты экономической прибыли, обязательно также учитывающей скрытые и долгосрочные эффекты. Во-вторых, сейчас необходимо помнить о том, что рынок – это не фантастический социальный институт, направляемый смитовской «невидимой рукой», где каждый лишь стремится оптимизировать собственную выгоду. В наше время немало говорится о социальной ответственности бизнеса как ключевого игрока рынка; и если представлять будущее университетов и научных организаций в формате бизнес-корпораций, то надо такой бизнес снабдить как обязанностями, так и возможностями для реализации своей социальной ответственности, а не блокировать их избыточной плановой централизацией.

Список литературы

1. Адлер Р. Статистики цитирования / Р. Адлер, Дж. Эвинг, П. Тейлор // Игра в цифры, или Как теперь оценивают труд ученого: Сборник статей о библиометрике. – М.: МЦМНО, 2011.
2. Беккер Г. Экономический анализ и человеческое поведение // Thesis. – 1993. – №1. – С. 25.
3. Галёна Е. «Башня из слоновой кости»: О будущем гуманитарного образования / Е. Галёна, Х.У. Гумбрехт // Новое литературное обозрение. – 2016. – №138.

4. Горбунов-Посадов М.М. Живая публикация // Открытые системы. – 2011. – №4.
5. Кемпбелл Ф. Бегство от импакт-фактора // Игра в цифры, или Как теперь оценивают труд ученого: Сборник статей о библиометрике. – М.: МЦМНО, 2011.
6. Чеботарев П.Ю. Наукометрия: как с её помощью лечить, а не калечить? // Управление большими системами. – 2013. – №44.
7. PLOS. Public Library of science [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://plos.org/>